
В. Х. БЕЛЕНЬКИЙ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Отправной идеей этой статьи является признание бинарного, философско-социологического характера теоретического познания общества, что не исключает разграничения социальной философии и социологии. В свете данного положения привлекает внимание факт чрезвычайно широкого распространения в современном российском обществоведении понятия «социальная структура общества». Одним из наиболее основательных произведений, созданных в последнее время на соответствующую тему, является монография М. Н. Руткевича¹. Автор, плодотворно работающий в области как философии, так и социологии, в основном верно трактует понятие «структура», связывая его с более широким понятием «система». Система – целостность, образуемая из элементов (частей) и обладающая определенной структурой (строением), которая является способом связи элементов в системе. Взаимодействие элементов системы, структурные связи между ними – источник системных качеств. Понятие системы распространено не только на материальные объекты, но и на абстрагируемые от них отношения в природе и обществе, и на творения человеческой мысли.

М. Н. Руткевич пишет, что понятие структуры «подчас употребляется в расширительном смысле, как бы “замещающая” собой понятие системы, то есть под структурой попросту подразумевают ту или иную *организацию*...»². Это верно. Более того, есть случаи, когда понятие «структура» вообще употребляется произвольно, им обозначают все что угодно. Иногда это ведет к аннигиляции этого понятия.

¹ Руткевич, М. Н. Социальная структура. – М., 2004.

² Там же. – С. 50–51.

М. Н. Руткевич прав и тогда, когда утверждает, что социальная структура каждого социума есть *клубок* сплетенных между собой *различных* структур³. Но о каких структурах идет речь? С нашей точки зрения, клубок состоит из этнических, возрастных, гендерных, классовых и других «нитей». Они пересекаются и переплетаются на разных уровнях. Например, молодежь «рассечена» по социально-экономическому положению (молодые рабочие, капиталисты, крестьяне, интеллигенты), по полу, по национальности, по различным стратификационным признакам (работающие – учащиеся – безработные, семейные – холостые и т. д.); рабочие «рассечены» частично по тем же, частично по другим (основные и сквозные профессии, уровни квалификации, оплаты, характер занятости и т. п.) признакам и т. д. Социальная структура предстает перед нами при этом как набор модулей, объективных в своей основе, но подвижных и поддающихся более или менее сознательным управленческим, исследовательским, политическим, идеологическим манипуляциям. Однако, в представлении М. Н. Руткевича, клубок образуют три типа структур. «Первый из них можно назвать *глобальным*, он характеризует процесс исторического развития *всего человечества* на нашей планете... то есть социальную структуру всего общества на Земле, а не отдельного социума»⁴. Такая структура есть, и она должна учитываться социологией, но вряд ли целесообразно считать ее социальной. Скажите – международная, интернациональная, планетарная структура.

Второй тип структуры – *структура связи и взаимодействия различных областей, сторон общественной жизни*. Фактически речь идет о делении общества на сферы (термин, употребляемый не всеми обществоведами), изучаемом социальной философией. Оно методологически и теоретически очень важно для социологии, но не относится к ее предмету. В центре внимания социологии – социальная сфера⁵, которая опять-таки не всеми признается, что влечет за собой нечеткое разграничение понятий «социальное» и «соци-

³ Руткевич, М. Н. Указ. соч. – С. 53.

⁴ Там же. – С. 61.

⁵ Характерный факт: в двух изданиях, где опубликованы материалы II Всероссийского социологического конгресса (2003 г.), названы 46 различных секций, но в этих названиях слово «сфера» употреблено лишь один раз – для обозначения секции «Социология социальной сферы».

альное в более узком смысле». Наконец, третий тип социальных структур, которому Руткевич и посвящает свою книгу, – *«структура связи и взаимодействия социальных групп, слоев и других общностей, из которых состоит каждый данный социум и, следовательно, общество вообще».*

Полагаю, что деление общества на сферы и анализ последних относятся скорее к компетенции социальной философии, чем социологии. (Не случайно пионерами этой тематики были А. К. Уледов, В. С. Барулин и другие философы.) Но среди социологов распространено другое мнение. Не думаю, что из этого надо делать объект дискуссии, то есть могу согласиться с тем, что проблема сфер рассматривается и в социологии. Но означает ли это, что деление общества на сферы следует квалифицировать как социальную структуру? Нет, не означает. В этой связи прежде всего хочу обратить внимание на то, что дифференциация общества на сферы на первый взгляд выглядит весьма произвольной. Конечно, непреложен тот факт, что сфер очень много. Более того, их становится все больше. Наиболее «устойчивы» и значимы четыре сферы – экономическая, социальная, политическая, духовная. Однако даже они объединяются, интегрируются, и тогда говорят о социально-экономической, социально-политической, социокультурной сферах.

Почему осуществляются «учреждение» новых и комбинирование имеющихся сфер? Почему одни сферы существуют со времени Древнего Рима, а другие появляются и видоизменяются на наших глазах? Потому что этого требовали и требуют интересы *деятельности*, прежде всего практической деятельности. Это приводит к выводу, что *деление общества на сферы есть деятельностьная структура общества*. В отличие от нее социальная структура общества является его *субъектной структурой*. Иначе говоря, есть лишь одна социальная структура общества, и она прежде всего дает представление о том, какие *социальные субъекты* – общности, группы, слои – *объективно* существуют в данном обществе и как они взаимосвязаны. Разумеется, в ней имеются подсистемы. М. Н. Руткевич прав, выделяя среди них социально-классовую как наиболее важную и утверждая, что ее анализ неполон без учета ее

взаимодействия с социально-демографической, социально-территориальной, этнической, гендерной и другими структурами.

«Специализация» структур общества, в частности выделение субъектной и деятельностной структур, позволяет повысить уровень теоретического анализа. Прежде всего, становится ясно, что деятельностные и субъектные аспекты исследования социума должны осуществляться *совместно* и в то же время *не сливаться*. Несомненно, что нарушение этого правила ведет к отрицательным последствиям.

Большое значение имеет анализ социальных субъектов, особенно классов, и их разграничения. Так, важен вопрос о соотношении социального класса и социального слоя. Его решение существенно и с теоретической, и с эмпирической точки зрения. Эмпирические исследования социальной структуры – едва ли не самые масштабные в нашем обществе, они играют огромную политическую, идеологическую и методологическую роль. Кроме того, соотношение класса и слоя – порог, о который нередко спотыкаются обществоведы, в том числе и марксисты. Так, профессор М. И. Воейков, размышляя о природе социального класса, критерию отношения к средствам производства предпочитает критерий экономического дохода, дополненный профессионально-функциональной структурой занятого населения. «В этом случае понятия “класс” и “слой” используются как равнозначные». Отсюда, между прочим, один шаг до полного отрицания понятия «класс», подмены его понятием «слой». Почувствовав это, Воейков пишет: «Хотя в строгом смысле слова “класс” и “слой” – это не совсем одно и то же. Класс – это достаточно большая группа людей, которая объединяется не только внешними признаками похожести (одинаковое отношение к средствам производства, примерно равный доход, примерно равный культурный и образовательный уровень и т. п.)⁶, но и некоторой идеологической, аксиоматической и социально-психологической общностью. Разных людей в один класс должно сплачивать, кроме всего прочего, примерно одинаковое мировоз-

⁶ В действительности ни одинаковость, ни равенство членам класса не присущи. Им присущи однотипность условий жизнедеятельности и вытекающая из общности объективных интересов *возможность* единства. Чтобы описать класс, надо опираться на диалектику тождества и различия. В противном случае исследователь создает предпосылки для грубых ошибок в анализе социально-политических явлений.

зрение, одинаковые цели и ценности, потребности и интересы... Социальный слой не обязательно может пронизываться обобщающими интересами или общим духом. Поэтому... понятие “средний класс” содержит большую долю условности, ибо здесь формально объединяются аксиологически разные слои населения». Итак, сущностные экономические признаки класса произвольно истолкованы и объявлены внешними признаками похожести, а его идеализированные духовные характеристики превращены в наиважнейшие. В результате различие между классом и слоем носит у Воейкова идейно-психологический характер, а временами вообще исчезает⁷.

Социальный класс – одно из самых используемых в социальной философии и социологии понятий⁸, в которое представители разных научных школ вкладывают разный смысл. М. Н. Руткевич уделяет большое внимание марксистской теории классов, дает глубокую характеристику ее содержания. Не отбрасывая идею социальной стратификации, подчеркивает ее важность и полезность. Не противопоставляет ее марксистской теории классов и классовой борьбы. «На деле понятие стратификации, то есть деления общества на слои... вовсе не противоречит понятию класса. Что же касается теорий стратификации, то каждая из них должна быть подвергнута научному анализу при соотнесении с теорией классового деления общества»⁹.

При общей правильности этой мысли она нуждается в дополнениях. Автор не акцентирует внимания на том обстоятельстве, что в России теории стратификации широко используются *против* марксистской теории классов и классовой борьбы. Кроме того, он несколько уступает некоторым представителям западной социологии, например Э. Гидденсу, которые полнее раскрывают связь между стратификацией и классовой структурой. Гидденс пишет о

⁷ Воейков, М. И. О классовом подходе к изучению современного общества // *Альтернативы*. – 2005. – № 2. – С. 30–31, 34.

⁸ Многие российские философы и социологи отрицают классовое деление нашего общества или пытаются представить его в превратном виде. Это не может не сказываться на пропаганде и на качестве социологических исследований. Тем не менее в начале 2007 г. социологи ВЦИОМ обнаружили, что наиболее значимыми респонденты считают различия между богатыми, бедными и средним классом (79 %), между населением и властью, чиновничеством (71 %), между рабочим классом, интеллигенцией и бизнесменами (53 %). См.: Ильичев, Г. Марксизм подкрался незаметно // *Известия*. – 2007. – 20 марта.

⁹ Руткевич, М. Н. Указ. соч. – С. 92.

классовой стратификации и подчеркивает: «В современных обществах наиболее характерной формой стратификации является классовое деление»¹⁰.

Выделяя две пользующиеся наибольшим признанием теоретические схемы интегрального представления о социальной структуре общества, К. Маркса и М. Вебера, Руткевич отдает предпочтение первой из них. Этой схеме присущ действительно системный подход: социальная структура вписана в систему общественных отношений. Особенно глубоко это проявилось в ленинской дефиниции класса, анализ которой автором – одно из лучших мест его работы, хотя не лишено отдельных недостатков и досадных упущений.

Когда мы говорим о классе, то надо иметь в виду следующее обстоятельство. С одной стороны, класс объединяет людей с общими признаками, чертами. С другой стороны, эти же общие черты, признаки членов класса отличают его от иных классов. Поэтому определение класса можно дать, прямо называя его признаки или выделяя различия между классами, что и сделал Ленин.

В ленинском определении¹¹ М. Н. Руткевич выделяет три блока. Первый блок (= первый признак класса) трактуется как краткое диспозиционное определение классов. Он-де повторяет мысль Маркса о том, что *«существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства»* (письмо к Вейдемейеру 1852 г.). Можно допустить, что такой оттенок у Ленина есть, но главное в другом: различия между классами коренятся прежде всего в общественном разделении труда, каковое определяется системой общественного производства¹². Философ Г. А. Зюганов – и тот связывает существование класса с определенным местом в общественном разделении труда¹³. У Руткевича этот момент присутствует, но переносится во второй блок ленинской дефиниции. Он подчеркивает, что второй блок признаков классов соответствует трем важнейшим элементам системы обще-

¹⁰ Гидденс, Э. Социология / при участии К. Бердсолл; пер. с англ. – 2-е изд. – М., 2005. – С. 251.

¹¹ Ленин, В. И. ПСС. – Т. 39. – С. 15. Руткевич делает ссылку на 38-й том ПСС.

¹² Это важно подчеркнуть, так как в обществе значимы не только классы. Так, этот признак полностью относится к интеллигенции, хотя она не является классом.

¹³ Зюганов, Г. А. Мы выстояли. Впереди трудный марш. Политический отчет ЦК КПРФ X съезду Коммунистической партии Российской Федерации // За победу. – 2004. – 14 июля.

ственного производства: отношениям собственности на средства производства, *отношениям по обмену деятельностью в процессе производства* и отношениям распределения.

К сожалению, М. Н. Руткевичем допущена ошибка при рассмотрении третьего признака класса. У Ленина третий признак сформулирован так: «...по их роли в общественной организации труда...». У Руткевича читаем нечто иное: «...по их роли в общественном разделении труда...»¹⁴. Скорее всего, это оговорка, но оговорка с последствиями, вписывающимися в ткань изложения. Кстати, есть основания считать, что именно место в системе общественного разделения труда и отношение к средствам производства и генетически, и функционально являются важнейшими взаимосвязанными признаками классов. Это необходимо учитывать, так как соотношение и значение признаков класса – величина переменная. Данное обстоятельство становится особенно важным в переходные периоды, когда отношения собственности нередко подвергаются сильнейшим изменениям, а система разделения труда оказывается более стабильной.

Не все просто и с «третьим блоком». Ведь в первых двух речь идет о *признаках классов*, которые выделяются через *различия между классами*. Между тем «третий блок» характеризует не признаки классов, а вытекающую из них «*сущность социально-экономических отношений между классами*, которая определяется *различием* их положений в системе общественного производства»¹⁵. У Ленина буквально сказано: «Классы – это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства».

Следовательно, в ленинском определении названы четыре признака класса. Попытки представить дело таким образом, что есть еще и пятый признак класса, связанный с цитированными словами Ленина, ведут к курьезам. Уж не с этим ли связано выдвижение на XI съезде КПРФ лозунга «*ликвидации бюрократии как класса*», хотя на деле это псевдокласс? Экономической основой этого клас-

¹⁴ Руткевич, М. Н. Указ. соч. – С. 97.

¹⁵ Там же. – С. 98.

са, который в действительности не является классом, представлена коррупция. Она достигла таких размеров, что это *«уже не просто беззаконие. Это особый экономический уклад...»*¹⁶. Что такое уклад? Составная часть экономики¹⁷. У Зюганова же это то, что *бюрократия изымает из экономики!* Могут сказать: однако бюрократия не только изымает огромные средства из экономики, но и вносит, вкладывает их в экономику. Верно. Но это она делает как буржуазия, вместе с буржуазией¹⁸.

Завершая краткое рассмотрение вопроса о марксистской интерпретации понятия «класс», необходимо обратить внимание на ряд моментов, с которыми нередко связаны различные ошибки в трактовке этого понятия. Прежде всего, это вопрос о критериях социальных классов. В марксизме все они носят экономический характер. Естественно, что этот факт по-разному оценивается альтернативными теоретическими направлениями. Исследователи марксистского направления полагают, что это единственно верный подход, ибо классовые различия прямо вырастают из экономических отношений, а экономические признаки классов – наиболее объективные свидетельства их наличия. Это вовсе не означает, что у классов нет субъективных характеристик. Классы различаются по образу жизни, по характеру межличностных, семейных и прочих отношений, по уровню и формам сознательности и организованности и т. д. Все это имеет огромное значение, пропорциональное возрастанию роли субъективного фактора и культуры в социальном процессе. Тем не менее максимальная объективность критериев – важный методологический принцип, отступления от которого недопустимы. Ученые, которых такой подход не устраивает, не случайно часто непоследовательны и противоречивы в своих оценках современной социальной структуры российского общества и ее динамики.

¹⁶ Зюганов, Г. А. Народный подъем в России и задачи партии. Доклад ЦК КПРФ XI съезду Коммунистической партии Российской Федерации // За победу. – 2005. – 9 ноября.

¹⁷ Ленин, В. И. ПСС. – Т. 43. – С. 221.

¹⁸ Следует во многом согласиться с профессором С. П. Перегудовым, утверждающим, что «значительная часть чиновничества и бюрократии стала вторым после корпоративного бизнеса носителем крупной собственности. Какая-то часть собственников-чиновников перешла или переходит в “обычный” бизнес, но большая их часть остается на своих местах. Они тоже в какой-то мере бизнесмены, но не бизнесмены-предприниматели, а бизнесмены-рантье, которые не развивают экономику и лишь паразитизируют на ней» (Перегудов, С. П. Бизнес и бюрократия: особенности симбиоза // Независимая газета. – 2006. – 10 марта).

Рассматривая ленинское определение классов, необходимо подчеркнуть, что это именно *общее определение* не только в том смысле, что оно относится ко всем классам, но и в том смысле, что оно берет совокупность отношений между этими классами. Современные исследователи, в том числе претендующие на философский анализ классов, например М. Хардт и А. Негри, далеко не всегда могут обеспечить такой подход.

Полагаем, что данное Лениным определение классов содержит модель идентификации социальной структуры общества. Дефиниция социальной структуры должна ориентировать на выявление присущих конкретному социуму объективно сложившихся и взаимодействующих социальных субъектов и характера отношений между ними. *Социальная структура общества – совокупность объективно сложившихся в данном обществе взаимодействующих социальных субъектов (общностей, групп, классов, слоев) и отношений между ними*¹⁹. Прав Ж. Т. Тощенко, который пишет: «Особо следует подчеркнуть тот факт, что попытки некоторых современных бывших марксистов отказаться от понятия “класс” не имели успеха: значительная часть социологов продолжает его использовать, имея в виду под этим понятием большие социальные группы людей, которые оказывают решающее влияние на происходящие в обществе процессы»²⁰. Это положение с полным основанием можно распространить и на область социальной философии.

Далее, марксизм большое значение придает внутриклассовым различиям. Они могут носить как объективный, так и субъективный характер. Первые легче обнаружить, вторые иной раз имеют большее значение. Кроме того, внутриклассовые различия порой проявляются более рельефно, чем межклассовые. Все это необхо-

¹⁹ Наряду с объективными в своей основе социальными субъектами во всяком социуме велика роль институтов, создаваемых классами, социальными группами и т. д. для удовлетворения различных потребностей и для повышения эффективности своей деятельности. Следовательно, нормативно говоря, социальный субъект в современном обществе есть активная социальная группа, слой, общность, располагающая необходимыми для успешной деятельности институциональными образованиями. Значимость последних подчеркнута Лениным в определении классов, где указано, что отношение к средствам производства большей частью закреплено в законах. Тем не менее не представляется возможным включать социальные институты, например государство или политические партии, в состав социальной структуры. Их целесообразно относить к деятельностной структуре общества.

²⁰ Тощенко, Ж. Т. Социология: Учебник. – 3-е изд. – М., 2005. – С. 222.

димо учитывать как в теоретической, так и в практически-политической деятельности.

Наконец, в каждой общественно-экономической формации независимо от числа классов, присущих конкретным социумам, есть два *основных* класса, которые являются носителями доминирующих производственных отношений. *Известны случаи, когда на протяжении одной и той же общественно-экономической формации происходила смена основных классов.* Вопрос об основных классах современного общества относится к числу самых актуальных и острых. В его решении немало ошибок допускают и марксистские теоретики. Так, М. И. Воейков, игнорируя деление классов на основные и неосновные, утрачивает способность адекватного истолкования марксистской теории классов. О марксистах он пишет: они «выделяют два больших класса (буржуазия и пролетариат) и некоторые другие слои (мелкая буржуазия, интеллигенция и др.). Важным моментом в этом подходе является положение, согласно которому общество по мере развития капитализма все больше делится только на два класса»²¹. Смещение деления общества на основные классы и деления общества на два класса в современном обществоведении – дело обычное.

Переходя к очень краткому анализу практикуемых в отечественной литературе подходов к социальной структуре общества, можно выделить три наиболее распространенных способа изучения данной проблемы: рецепционный, исторический, промежуточный²². Общим для всех трех подходов является признание того, что социальная структура российского общества претерпевает более или менее принципиальные изменения. Причем было бы ошибкой думать, что границы между этими подходами абсолютны или что все изобилие различных социоструктурных концепций, взглядов и т. п. можно строго разместить в трех названных группах теорий. Тем не менее основания для такого различения существуют.

²¹ Воейков, М. И. Указ. соч. – С. 28.

²² Два первых были позиционированы мной в 2000 г., третий – в 2005 г. См.: Беленький, В. Х. Альтернативные подходы к анализу социальной структуры российского общества // Социология и общество. Тезисы I Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». – СПб., 2000. – С. 22; Он же. Класс наемных работников или рабочий класс? // Социс. – 2005. – № 3. – С. 127. Два первых подхода подробно охарактеризованы в его же монографии «Преобразования в России и народных массы» (Красноярск, 2001. – Гл. 3).

Суть *рецепционных* (рецепция – заимствование) теорий в том, что российское общество наделяется социальной структурой западных стран. Эта метода широко используется и в научных исследованиях, и в учебных курсах, и в пропаганде. Но это порождает множество противоречий. Все способы обойти эти противоречия в большей или меньшей степени иллюзорны. Приведу такой пример. Идея среднего класса заимствована идеологами капитализации России в западной социологии. Однако российское общество не только 15–20 лет тому назад, но и в настоящее время кардинально отличается от западного. То, что выдается за средний класс в России, даже не напоминает средний класс в развитых странах. Но российской общественности упорно навязывается взгляд, согласно которому в результате реформ в стране создан средний класс. Этим заняты Институт социологии РАН, многочисленные социологические центры, СМИ, различные политические институты. Крупнейший официоз, «Российская газета» систематически предоставляет целую газетную полосу ИС РАН для публикации данных новейших социологических исследований, якобы свидетельствующих о наличии среднего класса в России, о его исключительной роли в развитии страны. Социологи мужественно отстаивают его интересы.

Правда, есть некоторые изъяны в аргументации. Так, рассматривая структуру экономически активного городского населения в 2006 г., социологи утверждают, что средний класс составляет 20 %, периферия среднего класса – 32 %, прочие массовые слои – 43 %, городское «дно», не имеющее ни одного признака среднего класса, – 5 %. Итого 100 %²³. Спрашивается, а где же российский высший класс? Где примерно 90–100 тыс. долларовых миллионеров и миллиардеров, сосредоточивших в своих руках основные средства производства? Не странно ли, что средним называется класс, которому «положено» находиться между низами и верхами, а он выше низов, но сам себя не перерос?!

Средний класс необычайно хорош и эффективен, но все познается в сравнении, и социологи сопоставляют его с другими группами и стратами, например с «успешными россиянами». Кто это такие? Неизвестно. Данная страта в некоторых отношениях превос-

²³ Добрынина, Е. Золотая середина // Российская газета. – 2007. – 24 января.

ходит средний класс, в некоторых уступает ему. К примеру, в 2006 г. имели доступ к власти 43 % успешных россиян и 49 % членов среднего класса. Эти данные контрастны следующим соображениям, почерпнутым Е. Добрыниной у социологов: «Средний класс в политику не стремится, от власти достаточно далек, к избирательным гонкам относится без энтузиазма. Самая главная ценность для него – свобода... Российский средний класс – это люди, которые хотят быть индивидуальностями, а не “жить как все”» (особенно часто так высказывается молодежь до 25 лет²⁴).

Альтернативный рецепционному, *исторический* подход исходит из того, что переход от социализма к капитализму не означает мгновенной замены социальной структуры советского общества социальной структурой совершенно другого типа. Даже Октябрьская революция не смогла этого осуществить, а события начала 90-х гг. XX в. вообще не были революцией²⁵. Следовательно, Россия переживает период постепенной замены старой социальной структуры новой. А это означает, что происходит зарождение и становление новых классов, социальных групп, слоев и изменение «старых», существовавших в советском обществе классов и социальных слоев, групп, а также преобразование социальных отношений. Задача социологов – анализ этих процессов.

Наконец, *промежуточный* подход исходит из того, что Россия чуть ли не бесструктурна, что в ней нет классов, или они существуют, но не кондичионны, не соответствуют западным образцам и восточным амбициям; однако они и другие социальные группы, страты и т. п. постепенно выкристаллизовываются, возникают, крепнут. Большинство населения образует по-разному называемый массив, из которого постепенно формируются различные элементы социальной структуры. Результаты процесса прогнозируются в зависимости от научных и идеологических предпочтений социологов. Более продуктивный вариант такого подхода состоит в том,

²⁴ Молодости свойственны порывы, и это хорошо, особенно в том случае, если порывы имеют позитивный финал. Но так бывает не всегда. Как признает профессор Н. Е. Тихонова, «более низкий нравственный порог демонстрирует группа 30–40-летних людей» (Добрынина, Е. Им не хочется стать «средненькими» // Российская газета. – 2007. – 24 января). А ведь это молодежь первого буржуазного призыва! Последующим поколениям молодежи угрожает значительно более серьезные опасности, утраты, потери.

²⁵ См.: Беленький, В. Х. Преобразования в России и народные массы. – С. 3–5.

что упомянутый массив включает в себя *старые классы*, которые постепенно заменяются новыми классами и группами.

Какой из трех названных подходов пользуется наибольшим признанием среди действующих российских ученых и политиков? Чтобы ответить на этот вопрос исчерпывающе, необходимо осуществить нечто вроде контент-анализа соответствующих научных текстов. Такая работа не проделана. Однако знакомство с большим количеством публикаций (книжных, журнальных и газетных) позволяет заключить, что наиболее распространены теории рецепционного толка, за ними следуют теории промежуточные, и наименьшее число сторонников у теорий исторических. Между тем именно исторический подход является наиболее оптимальным.

Исследователи социальной структуры любого социума должны принимать превентивные меры против вульгаризации, опрощения изучаемых общностей и отношений между ними. О чем идет речь? Прежде всего, так сказать, о чувстве меры. Анализ любого сложного социального явления естественным образом сопряжен со стремлением рафинировать облик данного явления и его составляющих, достичь наибольшей четкости в их осмыслении. Но это стремление нуждается в самоконтроле, в противном случае неизбежны более или менее серьезные издержки. Ибо всякое правильное положение можно сравнительно легко превратить в неправильное. Социальная структура общества может быть представлена как совокупность четко очерченных взаимодействующих групп. Но в действительности каждая такая группа имеет более или менее обширный ареал, наличие которого обязывает различать ядро группы и ее периферию, учитывать их социальную и функциональную дееспособность, специфику их сознания, организации и т. п.

Далее, проблемы социальной структуры относятся к числу тех проблем, в которых жестко выражены идеологические устремления, классовые интересы различных социальных общностей. Думать, что научные сообщества свободны от противоречий и столкновений между ангажированными и оппозиционными элементами, — значит впасть в иллюзии. Разумеется, следует стремиться к духу объективности и корректности и исключить всякий экстремизм. Но правде надо смотреть в глаза. И в философии, и тем более в социологии уровень ангажированности нередко поражает. Так, в «клас-

сическом учебнике по социологии» о среднем классе говорится, что он был всегда, в любом обществе, и далее утверждается: «представители среднего класса – это те, кто способен улучшить свое материальное положение только благодаря существующему строю»; «средний класс никогда не выступает против существующего строя»²⁶. С таких позиций, к примеру, история Франции XVII–XVIII вв. должна быть полностью переписана и вообще не может быть понята. Очевидно следующее: или среднего класса во Франции не было, или он вел себя совсем не так, как это предписано представляемой моделью.

Исследование социальной структуры общества тем качественней, чем оно концептуальней и методологически последовательней. В свете этого положения нельзя не обратить внимания на далеко не лучшее состояние многих работ по социоструктурной тематике, авторами которых являются ученые, считающие себя марксистами. Это отразилось прежде всего на разработке проблем рабочего класса. Не вдаваясь в детали, отметим главное: теоретики, претендующие на реноме марксистов, не видят качественной разницы в объективном положении и состоянии рабочего класса в дореволюционной и постсоветской России. А между тем современный российский рабочий класс, равно как интеллигенция, крестьянство, структурирован не только в объектном (производственном, отраслевом, профессиональном), но и в социально-субъектном отношении (имеется в виду форма его социальной организации, *трудовые коллективы*). Именно это – главный потенциальный источник сплоченности, солидарности рабочего класса, всех трудящихся, и именно этот источник полностью игнорируется как обществоведами, так и левой оппозицией России, не говоря уже о профсоюзах. Причем теоретическая и политическая близорукость этих деятелей прямо пропорциональна их стремлению возложить вину за трудности, переживаемые рабочим движением, на рабочий класс.

Социальной структурой общества занимаются самые различные научные школы и направления. Очевидно, что необходимы их

²⁶ Добренков, В. И., Кравченко, А. И. Социология: Учебник. – М., 2006. Примерно таким образом ориентированы многие социологические исследования, проводимые в России. Они строятся на ряде аксиом: средний класс – залог стабильности; в России есть средний класс; российское общество стабильно. Вопрос – в качестве этих аксиом и основанном на них умозаключении.

взаимодействие и взаимообмен. Но понимание этого не только не исключает, но, напротив, подчеркивает первостепенное значение марксистской теории. Это ощущается на каждом шагу. Отказ многих представителей гуманитарной интеллигенции от марксистской парадигмы в мышлении оказал самое негативное воздействие на профессиональных обществоведов. Приведу следующий пример, касающийся интеллигенции.

Излюбленным занятием взволнованных интеллигентов из числа музейных работников, библиотекарей, плохих журналистов, а порой и ученых-обществоведов стало высмеивание ленинского термина «прослойка». Название для интеллигенции и в самом деле не очень удачное, но вряд ли заменимое. Недаром им пользовался и А. Грамши. Но так ли уж важно его употреблять?

Дело в том, что Ленин подходил к интеллигенции диалектически, видел в ней целостный, но глубоко дифференцированный социальный слой. Части этого целого в дореволюционной России носили классовый характер – Ленин выделял интеллигенцию буржуазную, рабочую и крестьянскую. То есть части тяготели к различным классам, а в целом интеллигенция была между классами – *прослойкой*... В советское время, когда интеллигенция стала значительно более гомогенной, термин потускнел, стал употребляться реже и, главное, бездумнее. Но сейчас ситуация принципиально изменилась, и цена ленинских положений резко возросла.

В заключение еще раз подчеркну: широкое распространение субъективистских концепций, неудовлетворительное состояние многих современных марксистских разработок по проблемам социальной структуры общества требуют объединения усилий представителей различных школ, философов и социологов в целях решения теоретических проблем, имеющих большое политически-практическое значение.